

АЛЕКСЕЙ МОХОВ

Langé

Алексей Мохов
Гамзе

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Мохов А. Е.

Гамзе / А. Е. Мохов — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-600-01480-0

Стихотворный курортный роман, постепенно переходящий в авантюрный. Не лишенный некой простой природной философии. Героиня повествования отправляется на летний отдых в одну из «ближних южных стран». Вслед за ней устремляется ее муж, с которым, впрочем, молодая женщина находится в состоянии «скорого разбега». Супруг находит свою супругу на курортном берегу... Далее в отношения молодой пары начинают вмешиваться разнообразные турбулентные события, а роман, все более превращаясь в антироман, открывает видящему новые неожиданные грани. Действие происходит в памятном всем 2014 году – когда мир замер.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-600-01480-0

© Мохов А. Е., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----



Алексей Мохов Гамзе

Моей сестре Анне посвящается...

Гамзе

Порою у Морской Анны
Случались в снах виденья странны,
Среди Москвы, в градских тенетах,
Ей часто снилось при рассветах,
Что под балконом бьет волна,
Крута, бурлива и сильна,
Бежит на берег, тушит жар
Камней, что палит солнца шар...

А пробужденья милой Анны
Совсем бывали негуманны,
Мобильник, поднимая звон,
Прекрасный обрывая сон,
Зовет ее на ниву службы,
Вести страны огромной тяжбы.
Прошли века дев утонченных,
Девушка наша при погонах.

Как скуден завтрак при диете,
Как трудно женщине на свете!
И обруч талии осиной
Не «продовольственной корзиной»,
Лишь черствым может разрешить
Хозяйку хлебом накормить;
Яйцо на завтрак было также,
В нем нет большого смысла даже.

На «формы» вновь накинув форму,
Анюта едет на платформу,
Что «Киевской» в столетье старом

Была там названа не даром:
В равнины жаркой Украины
Уходят гулкие машины
С перронов ближнего вокзала,
Где светлая большая зала.

В Европы ходят поезда...
Многоконечная звезда
С расцветьем флагов европейских
Среди сует людских житейских
На площади стоит как стула.
У ней Аня поворачивает,
До службы здесь шагов пятьсот,
До бронированных ворот.

Морскова служит год четвертый,
Она работничек упертый
В делах, в заботах о делах.
Но где она в своих мечтах?
Она об отпуске мечтает!
Ведь солнце радостно играет,
И зноем улицы палит,
И ехать на море велит!

* * *

Да, человекам нужен отдых,
Релакс, покой и свежий воздух,
Потребно новых впечатлений,
А также легких приключений
И небольших (и без опасок)
Для чувств и ощущений встрясок,
Закаты видеть и восходы
На лоне матушки-Природы.

Морскова с отпускным листом
На крыльях мчит в родимый дом.
На время скроется рутина,
Как будто слоем нафталина
На месяц, на короткий срок,
Дела засыплет добрый рок.
Да, добрый!.. Согласимся с сим,
Не все же року быть лишь злым.

На краткий миг свободы вольной,
Всепоглощающе довольной
И всепрощающе нагой,

С простоволосой головой,
На целый месяц, без терзаний,
Без отвлечений, без заданий (!),
Как талый снег в стремнины рек,
Уходит в отпуск человек!

И цвета белого барашка
В машинку бросилась рубашка,
В шкафу повесился мундир.
Спокойный летний знойный мир
В безмолвии предстал пред Анной,
Разлегшись тишиною ватной,
Когда, чтоб не ломать лафу,
Погоны скрылися в шкафу.

Вообще б, почтенный прадед Анны,
Считая боевые раны,
Любой из бывших четырех,
Наверно б, долго, долго (ох!)
Был в шоке от такого дива!..
В погонах офицерских дева!
Наверно, был бы удивлен,
Такой наряд увидев, он.

Урядники-кавалеристы
И вахмистры-артиллеристы
У милой правнучки своей
До напряжения очей
Смотрели б на мундир затейный:
«Иде ж тут ремень портупейный?..»
И юбка цвета «купорос»
Пред ними ставила б вопрос.

Прошли года, сменились нравы.
Вы точно будете не правы,
Считая «времени разбег»
За бег, что ровным быть бы мог.
И временами времечко течет то торной речкой по равнине,
То точно с горных круч, а то уже в зайленной низине.
Сшивает раны скоро, как хирург,
Меняет бурный мир, как Демиург.

* * *

Морскова наша, «энергичка»,
Была шустра, что та синичка.
Грустить подолгу у окна

И размышлять про все одна
Определенно не любила.
Она, как скорая метла,
Дела размашисто мела
И махом по делам ходила.

Сейчас пред ней стоял вопрос,
Он каждую минуту рос:
«Куда же ехать отдыхать ей?
...И сколько нужно взять по пересчету дней
С собой на перемену платьев?..»
И если б даже много братьев
Ей помогли их донести...
То все равно: шасси б сломалось у её такси!

И чтобы отыскать ответ,
Морской нужен в интернет
Войти и поискать в нем сайты,
Которые, наверно, сами... Вы
Ищете порой, как раз
Когда (из множества зараз...)
Болезнь скитаний (...хуже нету!)
Вас вновь влечет по белу свету.

Скитальцем создан человек.
Пока ему не смежит век
Небытие, Вселенной спутник,
Он, как идущий в гору путник,
Не замечая сбитых ног
И позабыв родной порог,
Готов брести, стремясь туда,
Не зная сам подчас куда.

Открыв так этак мест с десятков
И вычленив «сухой остаток»
Из той необычайно пестрой,
Кричащей, рвущей, колкой, острой
Среды, что дарит интернет,
Гоня рекламу из газет,
Морскова выбрала отель
С названием «Метрдотель».

Он был на берегу далеком,
В заливе моря синеоком,
В одной из ближних южных стран,
Где почитается Коран...
Заинтригованы, Читатель?
Быть может, Вы, как предсказатель,
Страну беретесь указать?

Головоломку разгадать?!

В прелестном городе Мерсине,
Что высыпал как на картине
На берег моря под горой,
Блестя полуденной жарой
Зерцалами витрин и окон,
Отель стоял, как белый кокон,
Как будто шелкопряд гигантский
Его соткал в глуши османской.

Ох, проболтался (!), тайно меня.
Теперь раскроете меня
Насчет названия страны,
Куда теперь устремлены...
Стопы Морской нашей Ани.
Теперь Вы видите уж сами,
Что Анну в Турцию дорога
Ведет от отчего порога.

Ценя, как все мы, жизни время,
Стремясь быстрее ногу в стремя
Воздеть и в дальний край скакать
(Чтоб там премило отдыхать),
Морская сборами в дорогу
День занимала понемногу.
Но между делом нужно ей
Весть речь с подругою своей.

То ране были времена,
Когда, чтоб женщина одна
Могла поговорить с другой
(Чрез город шумный и большой),
Ей приходилось метлой,
Чтоб «ноги не стирать» самой,
Лететь полночною порой
Над разной... лысою горой...

Иль, погружаясь всяко в транс,
Весть спиритический сеанс...
Теперь достаточно айфона,
«Ай-ай-крутого-телефона»,
Чтоб он одну товарку смог
Связать с другой сквозь дымный смог;
Наш город, смога наработав,
Как будто насморк заработав,

Стал неудобен для полетов,
Не то, что метел... вертолетов!

Итак!.. Звонит она подруге,
Чтоб сообщить ей на досуге
Простую радостную весть —
Что отпуск перед нею весь,
Что все пути пред ней открыты,
Билеты чрез i-нет добыты.

– Алло! Светлана!.. Это Анна.
Ты слышишь? Я сползла с дивана...
Вот только что!.. Устала как-то
Я от работы за год. Так-то!
Теперь готовлю вот омлет
И предвкушаю... видеть свет!
И вроде в Турцию собралась.
Да ты, наверно, догадалась

По нашим прошлым разговорам...
Мне Лена не «сидеть по норам»,
А путешествовать совет
Дала... И я чуть свет
В «контору» уж свою смоталась
За «отпускным», гоня усталость.
И Ленин выполняю завет!
И через день увижу свет!

Ты там «на трубке», что ли, Свет?..
Скажи хоть слово-то в ответ!..
– Да, я «на проводе», Анята!..
Ты в предвкушении курорта?
В какое место едешь там
Поплавать по морским волнам?
– В Мерсин я еду, в город жаркий,
В «Метрдотель», отельчик яркий...

– А Боремир с тобою тоже...
Поедет?.. Там смотри!.. построже...
Держи его в своих руках!
Уж много всяких... всяких... (ах!)
Соблазнов крутится на море!
Мужчинам в кайф, а нам на горе!..
– Нет, Света, там его не будет
Со мною... Он вообще не едет...

Со мною больше никуда
По этой жизни... Никогда.
Расстались мы, мы с ним не пара.
Мы, знаешь, с ним едва ли пара
Смогли бы взрыва избежать
В котле семейном. Но, как знать,

Быть может, будет со счастливой
Другой какой-нибудь дивчиной...

У Светочки «мобильный друг»
Рыбешкой выскальзает вдруг
Под всплеск ее невольный рук,
Неловкий сальто сделав крюк...
И кошка пандовой окраски
На Свету поднимала глазки...
– О кошка Ася!.. Ты одна
Здесь не бывала влюблена!..

* * *

Аэропортов городищи!
Людей – несчитанные тыщи!
И все спешат... бегут попасть...
Посадочному терминалу в пасть
Отверзтую... порой не зная...
Что это слово, означая...
«Конечный», торит путь к началам!
Реченье древнее такое есть, что знания суть путь прямой к
печалям!

Вот трап подали к самолету,
Свою небесную работу
Затеял споро экипаж.
Всех тех, кто совершить вояж
Готовится, зовут уж на борт!
Пилоты и стюарды рапорт
Уж о готовности полета...
Отдали командиру борта!

Взревели шумные турбины
По обе стороны кабины,
И самолет поспешным бегом
Разгон набрал единым мигом.
Так разгоняется атлет
(Пред тем как запустить в полет
Копье своей могучей дланью)
Для импульса, предавшись состязанью.

Тот самолет, воздушный странник,
Встал на крыло, земли изгнанник,
Небес испытанный трудяга,
Трехмерной пустоши бродяга...
Внизу полей мельчали клетки

И зримо истончались ветки
Бегущих по равнине рек...
То быстрых был движений век.

Набравши должные высоты,
Аэроплан большой работы,
Казалось, уж не совершал,
Он как бы тихо мерно шел
Над белой облачной страной,
Блестя стеклянною главою
На солнце, крылья распластав,
Закрылки в линию убрав...

Носить напитки скоро стали,
Из холодильников достали
Воздушной кухни разносолы
В сопровожденье всякой колы.
На белом пластике подносов
Лежали горки разных тостов,
Мед, масло, кетчуп, с рыбой рис.
Вот данной трапезы абрис...

Под шум размеренный моторов,
Что тянут самолет, как норы
Упряма тянет к цели дальней,
В небесной вышине кристальной
Опять в плену мечты хрустальной,
Реальной или нереальной,
Анюта спит, ей снится сон,
Сон смутен, но герой в нем – он.

Он – неизвестный, но надежный,
Какой в наш век излишне сложный
Почти встречаться перестал,
Давно взойдя на пьедестал
Недостижимых в жизни высей.
Иные же, с проходкой лисей,
Что крутят петельки следов
Вокруг девиц, замужних, вдов,

Ее совсем не занимали.
Они, как тени, отступали
Пред ясным разума лучом,
Ментальным «световым мечом»,
Что женщина, обжегшись часом,
Над всеми воздымает разом,
Кто мнится ненадежным ей
Иль сам из области «теней».

Вернулась к бодрости Анюта,
Еще за время института
Она училась отдыхать
Немного, чтоб не потерять
Часы отпущенных нам лет.
Ведь жизнь – оторванный билет
В один конец и без возврата,
Не предусмотрена доплата...

И путешественница наша
Вдруг вспомнила, какая «каша»
Ей смутно снилась только что,
Ей кто-то снился... Только кто?..
Не прошлый это был попутчик,
Другой дорогой шедший спутник,
Путем каким-то карамбольным,
Необъяснимым и окольным.

Морской вспомнились слова,
От них болела голова
Когда-то... А теперь уж поздно!
Они расстались точно!.. Розно
Теперь по жизни им шагать...
Небесной выси благодать
Как будто сбросила оков
Ее же собственных стихов:

*«Мир большой, но, увы, не для нас.
Мы с тобою – по жизни бродяги.
Через даль я несу синеву твоих глаз,
Образ твой вспоминаю в дороге.*

*Расставанье не лечит обиды,
Расставанье не смоем всех грез.
Две планеты на разных орбитах!
Им начертано вечно быть врозь.*

*Через годы несу в своем сердце
Всю тоску, что давно в нем храню.
Отпустить бы... Но заперты дверцы,
Эту боль я от всех утаю.*

*Наша жизнь – краткий миг для Вселенной.
Одиночество вновь донимает.
По дороге бреду этой брэнной,
Темнота лишь меня обнимает.*

*Но огни городские все ближе...
Вновь средь шумного мира людей...*

*Не слепа, но почти что не вижу,
Словно порчу навел чародей.*

*Через даль я несу синеву твоих глаз,
Обрекая себя на скитанья.
Мир велик, но, увы, места нет в нем для нас,
Ты уходишь опять... До свидания!»¹*

Да, Анна в мир строчила строчки.
И эти липкие листочки
Все норовили хоровод
Устроить, как под новый год
Снежинки кружат в мерзлом небе
Или осеннее отребье
Вальс крутит желтый во дворе,
Стирая память о жаре.

В заоблачных высотах вирши
Свои определяют ниши,
Они звенят намного тише...
Как будто здесь, на самой крыше
Подзвездного большого мира,
В холодной синеве сапфира,
В гудящей пустоте эфира
Поет совсем иная лира.

* * *

На протяжении полета,
Известно, времени работа
Вершится медленней слегка;
Седого времени рука
Листы минут скорей считает
И жизни миг быстрее тает
Тех, кто проходит по земле,
Чем тех, кто движет в вышине...

Минуло время в самолете.
И, серебяся на заходе,
Дюралюминиевая птица,
Как громовержца колесница,
С высоких метров, с края туч,
Закатный отражая луч,
Идучи по небу дугой,

¹ Стихотворения А. Морсковой написаны и любезно предоставлены поэтессой Анной Моховой, ибо автор данного романа в стихах стихи от лица женщин писать не вправе... и не хочет.

Стремится вниз сама собой.

На полосе аэропорта
Готово все к прилету борта.
И только лишь автопилот,
Что недреман был весь полет,
С высокой точностью заход
У средиземноморских вод
На гладь бетона проведет,
Людской поток с небес сойдет.

Погнали трапы к самолету,
Его посадочную ноту
Услышав в пении машин,
Что, так же, как и он, с вершин
Летят на стол аэропорта,
Какой «Блистательная Порта»
Воздвигла в граде Аданé,
Чуть от курортов в стороне.

Сюда и прибыла Анпé.
Влет!.. Незнакомкою в окне.
«Анпé» есть «Анна» по-турецки,
Но скажем строго, не по-детски:
Созвучье лишь у двух имен,
На языках иных племен
«Анпé» обозначало «мать»,
Тогда как «Анна» – «благодать».

Итак, Апá спустилась с трапа,
И скажем без вранья и «крапа»:
«Апá» на языке страны,
Вы будете удивлены,
Обозначает также «мама»,
Используется вместо «Анна»
Из-за похожести имен
Бог весть с каких таких времен.

Багаж туристы получили,
В автобусе их рассадили,
И гид улыбчивым котом
Повествовал им об одном:
Как все они в отель поедут,
Как в номера они заедут
И сколько там до пляжа метров,
До солнца, волн и свежих ветров.

Автобус тронулся, пневматикой шипя,
Качнувшись тушей-кузовом... Шутя

Понес в себе туристов с грузом...
Укрыв своим комфортным пузом.
И из «кондишинов» прохлады,
Как ветерок под сенью сада,
Считай, бесплатная услада,
Ниспала после пекла ада.

В сем «ковчеге» благословенном,
Искусственно обдуновенном,
Глядя на пестрые ряды
Людей, спасенных от жары,
Анюта, дня события вспомнив,
Из разносортных мыслей сонмов
Отметила как неизбежность
Прилетной толкотни прилежность.

В воздушной гавани порту
Они «дымились» на ходу...
Так все там камни раскалились,
Когда в автобусы садились
Туристов шустрые рои,
До времени забыв свои бои,
Батальи жизни городские бытовые...
И гулких дней тревожные раскаты грозовые.

И под прохладным дуновеньем
Анюту вспомнилось виденьем
Одно ее стихотворенье,
Довольно... «липкое» творенье.
И вспомнился другой автобус,
Как перенаселенный глобус...
(Не «завернуть» бы в стих тот «камень»!)
Он назывался «*Каждый день*»:

*«Как же мне одиноко и грустно
Каждый день этот мир покорять
И садиться в набитый автобус,
От врагов свою жизнь охранять,*

*Каждый день приносить себя в жертву
Ненасытному брюху метро
И вдыхать разносимый по ветру
Обжигающий запах его,*

*Каждый раз отворачивать ноздри
От бездомных и пьяных людей
И спасать свои хрупкие кости
От нещадных стеклянных дверей,*

*Каждый день проезжать этот город,
Чтоб в итоге вернуться домой
И по телику видеть, как дорог
Стал нам стоять уют бытовой.*

*Как избавиться мне от унылых
Непрерывно мелькающих лиц,
Этих лиц мне давно опостылых,
И фигур, что согнулись ниц?!*

*Ты придешь и обнимешь за плечи —
И сотрешь все события дня.
Лишь останутся в памяти встречи:
Милый дом и родная семья»².*

За окнами поля мелькали,
В синь обращались где-то дали...
И, словно с полотна Дали,
Висело облако вдали.
Автобус с «усиками» зеркалец,
Окрашенный, как чили перец,
Похожий чем-то на жука,
К Мерсину движется пока.

В Мерсин легла его дорога...
Уже вдоль горного отрога
Они поехали у моря,
Вдоль вышних круч путь скоро торя.
Туристский люд чуть, понемногу
Ожил за дальнюю дорогу
В прохладе тихого салона,

Где можно ехать без талона,
Где можно ехать без билета
Почти что, скажем, на край света.
Народ ожил... и оживился
И в креслах как-то «загнездилися»,
заворошился, завозился...
Автобус радостно катился,
Водитель и экскурсовод в кабине
Быстрее хотели быть в Мерсине...

Состав у публики туристской
Был пестрый, как в среде артистской:
Толстяк в рубашечке гавайской
С женою и ухваткой байской,

² Монотонная регулярность современной городской жизни постепенно вытравливает и убивает в человеке всю романтику. И то, что Анна пока еще рифмует эту прозаичную жизнь, свидетельствует в пользу существования «Закона сохранения души».

Седых две пары пенсионных,
Девиц гурьба «непансионных»,
Какой-то жиголо и мот
(По виду полный обормот)

При важной и холеной даме,
«Профессор» (как портретик в раме),
Удалый мачо «в фотошопе»,
Дородная «мадама» в топе...
Соседкой Анечки была как есть «бой-бабушка» одна.
Сейчас, присматриваясь к Ане, спросить ее она должна:
(Такая... шустрая бабуля,
В летах, но в теле... Божья воля!).

– Вы, лапуля (я, уж простите, по-простецки
К вам обращаюсь... по-соседски),
С Москвы или с другого края?
Я тут смотрела, засыпая,
Вопрос возник бестактный вдруг:
Вы смуглой едите на юг?!
В солярий ходите, подруга?
Иль сами по рождению с юга?

– С Юга России,
С тех степей... Родней мы жили
Под Волгоградом как-то все,
Теперь живу я в средней полосе...
– А смуглый кожи... чуть... оттенок,
Присущий, видно, вам с пеленок,
Вы тоже там приобрели?
В своей былой степной дали?

– Немного крови есть османской,
Сокрытой внешностью славянской, —
Сказала Анна, характерной
Играя внешностью донской, —
Насколько знаю род я свой,
Два пращура мои домой
Двух пращурок моих с собой
Везли из Порты Оттоманской...

Чуть здешних генов есть во мне,
Я как бы еду и к «родне»,
К «сedyмой воде на киселе»,
Не за семь верст, а далее,
Не то, чтоб очень уж родниться,
Но тоже боком прислониться...
Наверно, тем, что на песке
Желает нежиться в «райке».

Ведь как отель нам описали
И как про пляжи рассказали,
Так я уже воображаю,
Что это все подобно раю...
– Вы полагаете, соседка?
Люблю я пляж, где есть беседка...
Вас, кстати, как мне называть?
Ну... то есть как вас величать?

– Меня зовите просто Анной...
Соседка, чтоб держаться равной
Пред Аней,
Дамой молодой,
Ей говорит: – Дружочек мой!
Меня зовите просто Верой...
Хоть Верой Павловной давно
Уже мне зваться суждено...

А где живете вы в Москве?
– Да в Раменках, на западе, —
Сказала Анна о себе,
Любуясь видами в окне.
– Я, Аня, в Люберцах живу,
Уютный город, не совру,
Такой компактный городок...
Да, городок, скажу, «на ОК»!..

Пока они всё обсуждали,
Автобус их уж подогнали
К стоянке прямо под отель.
И... началась тут канитель:
Тащили чемоданы, сумки,
Какие-то баулы... Лямки
Трещали тихо по всем швам,
Все с шумом шли по номерам...

Все к ужину, конечно, вышли.
Спустились вниз. И, взяв излишки
Дневной энергии своей,
Стремилась ко столу скорей.
И как уверенно подметил,
Когда он груды блюд заметил,
Про всех и вся «профессор» тот:
«Всё к шведскому столу идет!»

«Профессор», что за Анной ехал,
Сейчас он рядом с Анной ел,
Он был действительно профессор!

(Как все, немножечко агрессор,
У нас ученые мужи,
По крайней мере, так снаружи,
Чтоб грозный вид дыханьем стужи
Тушил студентов кутежи.)

– Вы Анна?... так ведь? да, соседка? —
Жена профессора (что зоркая насадка,
Сев с мужем рядом с ней за ужин)
Спросила Анну. Был не нужен,
Вообще-то, лишний тот вопрос.
(Весь путь автобусных колес
Они же были за спиною!
Беседу с полпути длиною,

Что Аня с бойкой дамой Верой,
Исполнившись отчасти верой,
Что их не слышно, тет-а-тет
Вели, не делая секрет
Из проживания и жизни,
Они слышали, хоть ты тресни,
Хоть уши ватой им закрой,
Хоть «Rigoletto» басом пой!)

– А как мне вас и вас, соседи,
Именовать?... (Повсюду люди
Знакомились кругом друг с другом,
За яствами рассевшись крúгом...)

– Я Инга Титовна, а он
Всеслав Зиновьевич... Pardonne!
Профессор, доктор, академик...

– Да, Инга, не пустой бездельник!

– Да, милый, не пустой бездельник,
Да, сладкий, каждый понедельник
Идешь ты лекции читать,
По вторникам же ты кровать
Часами можешь занимать...

– Но Инга! как тебя понять?
Живем с тобою столько лет!..
Неочевиден здесь ответ!

– Не очень виден тут ответ,
Хотя, Всеслав Зинович, слово «нет»
Я от тебя как «дружеско-супружеский совет»
Премного (годы!) слышала в ответ...

– О Инга, «Крыса» ты по годовому знаку,
Я ж «Дева» есть по Зодиаку,
Охотно ходишь ты в атаки!

Я ж не хочу на море «драки»...

...Скажите, Анечка, – профессор,
Замявши «дискус», как супрессор,
У «ангелины» молодой
Выпытывал вопрос простой, —
Вы в отпуск на море стремитесь?
Или... куда как соберетесь?..
– Кому-то отдыхать «на водах»,
А мне морской приятней отдых!..

* * *

А в это время где-то... Свете
(Совсем с другого места на планете)
В рассветный час немого утра
Идет звонок от Боремира,
Анюты упомянутого мужа-ухажера,
Уже по жизни, может, бывшего партнера.
– Hello!! Моей жены подруга!
У вас там слякоть или выюга?..

– А это кто?.. А... «Борис», ты ли?
Меня «вы», Борис, разбудили!..
У нас тут лето, а не выюга!..
– Скажи, а где моя супруга?
Звоню, звоню на телефон,
В ушах же слышу только звон!
– Она же разве не сказала,
Куда так быстро поскакала?..

– Нет, «Цвета», я теряюсь в думах...
Я даже в электронных письмах
Вопросы ей адресовал!..
– А в интернете не искал?
– Светлана! Это несерьезно!.. Где Анна?..
– Боря, будет сложно... весьма
Средь пляжного песка ее сыскать,
Она, наверное, теперь успела добежать...

(Нет, правда!.. ранняя зоря!)...
Меня ты слышишь? слышишь, Боря?..
На юге Турции hotel
Есть, кажется, «Metrdotel»,
В каком-то городе Mersin...
– Туда я еду!.. В день один
В поездку эту соберусь

И до Мерсина доберусь!

«Горящую» возьму путевку,
«Прикину» лучшую обновку
И в солнцем жаренный Мерсин
Я полечу, как Аладдин,
На крыльях или самолета,
Или любви, чтоб та... (увы, закрылась «сота»,
Внезапно в трубке глас угас
В рассветный неурочный час...)

И кошка с пятнами коровки
Свела сурово вместе бровки,
На Свету посмотрела, жесткой
На спинке поиграла шерсткой...
– Асюня, Ася, на меня-то
Неласково ты смотришь как-то...
О кошка Ася! я их брак
Спасти пытаюсь кое-как!

* * *

«Апá», уже пришедши с моря,
Включила телевизор и... не вздоря
С привычками... на матушке-Москве,
Упала в кресло в полусонной тишине.
Раздался глас вельми многоголосый,
Квадрат возник зело препестрый,
И информация пошла
Из психотропного мешка.

Мелькали разные каналы,
Везде крутились сериалы,
И тот же самый сериал
Эфир турецкий потрясал,
Что и в РФ был популярен, —
«Великолепный век». Осман
Великолепный Сулейман
С немым укором: «Роксолан!..

Не лезь в политику мою-то!..
Гаремом правь, как хочешь круто!
Возьми, не жалко, социалку,
Я вакф тебе вручу в добавку...»
Взывал, уставя взгляд печальный
На носик женщины брутальной...
История тогда петлю

Крутую делала свою...

У Сулеймана с Роксоланой
Дитя росло в тиши диванной,
И заседаниям Дивана
Дитё изящество кальяна
Определенно предпочло,
Определив добро и зло
Существования государства
Навроде горького лекарства...

Когда ж пришел черед «султанить»
Селиму, сыну Сулеймана, власть,
Узы управления страной
Он потянул ухваткой рьяной,
И стала рваться связь с народом,
И высший князь стал год за годом
Терять правления бразды...
Ему все стало «до звезды»!

Селим Второй, султан османский,
Жил, в общем, жизнью «протестантской»,
Привычным нормам с юных дней,
Как говорят – «с молодых ногтей»,
Селим не следовал уперто,
А как-то так... Упрямо-гордо
Пытался прыгнуть выше них,
Но только сам (!), «щадя других».

Он пил вино, любил охоту,
Отцову тяжкую работу
По приращению земель
Он прочно посадил на мель.
Пытался как-то воевать он Север,
Но, видимо (!), счастливый клевер,
«Мальтийским» выросший крестом,
Ему был, право, не знаком.

И рать, себя в неспешности коря,
Селим в поход отправил за два моря,
Канал им приказал копать,
В халатах и штанах таскать
Сухую земь меж Доном с Волгой.
Они ушли своей дорогой долгой,
В чужих степях навек пропав
И город Астрахань не взяв.

Рожденный грозной Роксоланой,
В гремучий век, лихой и бранный,

Он сибаритом стал завзятым,
Был сибаритским каждый атом
В его отдохновенном теле...
Отец с ним ране толковал о деле,
Осман Великолепный Сулейман,
Что свято почитал Коран...

Точней пытался толковать!
Когда твои отец и мать
Пути показывают разные потомку,
Наказы разные кладут в дорожную котомку,
Тогда ребенок может заплутать,
Себя меж ними даже растерять.
Так трудно уживаться с ними,
С отцом и мамою такими!

«Мамунич», к матери привязан,
Он был не жизнью лишь обязан,
Но воспитаньем также ей
(Да, тяжкий жребий королей,
Которых матери с отцами
Традиций разных были сами,
Из очень непохожих стран),
Таким и был Селим-султан.

Какому следовать обычью,
Чтоб соответствовать приличью,
В стране, где с детства ты живешь
(Где с малолетства ты блюдешь...
Закон исламский, очень строгий,
Который смотрит за дорогой,
Какою ходит человек
Весь свой, какой положен, век)?

Селим Второй не напрягался!
Он, натурально, расслаблялся!..
Вино волной взвивалось вольной,
Красотки шли гурьбой фривольной...
То, право, первый был на теле Турции турист,
Он, как прорвавшийся «культурный террорист»,
Взорвав запор всех «клерикальных шлюзов»,
Стал жить по принципу алл'Нклюдив!

* * *

В столицу Боремир стремится,
А из столицы... отоспится

И понесется за границу
Искать свою там жар-девицу...
Мелькали версты под крылами,
Свивались тучи пеленами...
И расточительное солнце
Жгло через авиаоконце.

Меняя крылья на колеса,
Не чуя ног, не видя носа,
К Мерсину так он и донесся.
Выносливость лесного лося
Ему ниспослана была,
Бывали часто времена —
Он мог не спать по двое суток,
Его напор местами жуток

Был. Часто удивлял.
Он неизменно проявлял
Черты, достойные упрямца.
Теперь он в роли иностранца
Дороги Турции топтал...
В отель вошел
И прописался, ключ взял
И к номеру пошел.

Он Анну поджидал на ужин.
Он знал, когда народ досужен
Пойдет в отель с прибрежных пляжей,
Тогда и образ Анны нашей
Увидит ждущий Боремир,
Ведь он, что сущий кирасир,
Пробился сквозь препятствий тьмы,
Топча конем сомнений сѳнмы.

И Аня среди всех пришла,
И за удобный столик тихо села
(Она сейчас в компании той ела,
Где и профессор, и его жена).
Пока прием вершился пищи,
Очками темными глазищи
Прикрыв, украдкой на нее
Смотрело прошлое ее.

Когда же люд пошел на выход
(Похоже чем-то на исход
Евреев из долины древней Нила...),
Супруг догнал супругу... холла
Едва она прошла пространство,
Его большое постоянство

Предстало вживи снова перед ней
В сиянье зальных вспыхнувших огней.

– Анята, здравствуй!
Стой, я здесь!.. постой!
Мне нужно... говорить с тобой!
Как видишь, можешь за собой
Увлечь в скитанья дальних странствий.
– Ты, Боремир, откуда?.. Странный
И неожиданный приезд...
Или у вас какой-то съезд?

– Все шутишь!.. Я ж сейчас серьезен!
Я из Москвы. Ведь все ж курьезен
И ненормален наш разрыв!
– А может, это... как нарыв?
Копилось как-то и копилось,
Да вот внезапно прорвалось...
Семейной жизни нашей ось
Под тяжестью обид согнулась.

– Какие, Анечка, обиды?
Мы взрослые же индивиды!
У каждого свои: карьера и работа...
– Общая забота
Нас перестала занимать,
Мы врозь пытаемся решать
Свои насущные проблемы.
В тени большой глобальной темы

Свои ты строишь стратегемы,
Решаешь сложные дилеммы,
Но на своей большой войне
Забыл ты как-то обо мне...
Ты просто всадник на коне,
Порой забыв о голове,
Как будто бы по полю брани,
Несущийся по нашей жизни.

– А «голова», конечно, ты?
Твои прекрасные мечты
Разбились о граниты быта?
Ты у «разбитого корыта»?..
Так что, тут быт всему кончина?
И что?.. в быту я не мужчина?
Посуду мою за собою!
Готовлю... Что-то даже строю!

Он буром прет, идет тараном (!)

В каком-то упоенье бранном,
Пытаясь что-то доказать.
Намеревался он сказать,
Наверно, ей слова другие,
Возможно, важные, большие,
Но в той словесной «вальпургии»
Они их оба позабыли.

А может, как-то не нашли
В той ослепительной дали...
– ...Я замуж за отсутствие привычек
Вредных вышла, мой голубчик!..
– ...Я за три моря прилетел!
Теперь как будто я прозрел!..
И оба по тропинкам брака
Плутали, как в теснинах мрака.

И вот они ругались так-то
При соблюденье как-то
Такта, что свойственно
Интеллигентам, помножено
На гладь момента,
Когда у среза континента,
Сиречь на Средиземном море,
Углы обходятся и в ссоре.

Утихла быстро их беседа,
На мужа, словно на соседа,
Смотрела откровенно Анна.
Она была еще желанна
Для Боремира, он же ей
Был чужд натурою своей...
Супруги розно повернулись,
А повернувшись, разошлись...

На берег моря вышла Анна;
С мужчиной своего романа
Она обдумывала встречу.
Но, видно, ум не волен сердцу
У женщин отдавать приказ!
Все убеждалися не раз
В таком простом известном факте.
И дело не в каком-то такте,

Какой хочу я соблюсти,
Не в том, чтоб им преподнести
В кой раз набор сентенций льстивых,
А в тактах тех, и в ритмах тех,
В каких природа скрыта их

От глаз мужских весьма пытливых.
И будет так во всех стихах:
Enigma женщина в веках...

У кромки южного прибоя,
На грани яростного боя
Стихий, сомкнувшихся здесь все,
Они могли б стоять и двое,
Имея солнце над собою,
Пленяясь высью голубою,
Прикрывшись тенью даровою,
Живя понятной ясной жизнью.

Но здесь одна стояла Анна,
Одна пред ликом океана
Страстей людских...
Уму не ясных,
И вечных, и таких напрасных,
И мимолетных, и опасных.
Запрятав в подсознание Борю,
Стихи читала Анна морю:

*«Не помню я твой образ прежний,
Во сне тебя я не зову.
Я стала старше, безмятежней
И сердцем больше не живу.*

*Прошли студенческие годы,
Куда-то вдаль ушли мечты.
Все стало и сложнее, и проще,
И сожжены давно мосты.*

*Меня твой образ уж не тронет,
Ведь он во мне давно увял.
И сердце сладко не занает,
Чужим давно твой голос стал.*

*Иду решительной походкой,
Бегут часы, мелькают дни.
Нет, я не та уже девчонка,
И юность тоже позади!*

*О жизнь разбились мои грезы,
Нет, не оплакиваю их,
Но заблестят в ресницах слезы,
Лишь вспомню о глазах твоих»³.*

³ Эмоциональные стихи Анны удачно прерывают псевдорациональное рифмическое повествование автора, внося некую дискретность в равномерность течения обычности происходящего.

И пред свободной в чувствах Анной
Сиял палитрою Вселенной
Полденных стран закат чудной.
Ее русоволосой челкой
Прибрежный теплый ветер робкий
Играл... Каштановых очей
Светили густо сердолики.
Дня угасающего блики

На смуглом напряженном лице
Мерцали... В смуглом кулачке
Был сжат кольца кружочек желтый.
Металла вечного простертый
В ладони сомкнутой кусок...
Волна катилась на песок
И как бы говорила с Анной:
«Ты дай кружочек мне желанный!..»

* * *

При долгой лестнице от моря
Стоял, с великими стихиями не споря,
На территории двора отеля,
Толпу приезжую туристов веселя,
Обычный малый павильончик,
Зовимый людом «Чайный домик».
Там турок из отеля чайник
Заваривал... Он был начальник...

Над чайником и угольком,
Над чашками и сахарком.
Его руководящим оком
Призрен был этот чайный дом.
До домика легко поднялась Анна,
Вошла, присела; у дивана «в стиле оттомана»
Нагруженным стоял ажурный низкий столик,
Сластями... Домик походил на портик,

Верх подпирала колоннада.
(Пространства этого ограда
Была на взгляд немного хрупкой,
Но, видимо, довольно крепкой,
Чтоб крышу портика держать
И ни на дюйм не уступать
Бывающим порывам вихря,
Что часто налетали с моря.)

– Чего мне вам налить, «Гамзэ»? —
Чайханщик рек на языке,
«Подобном русскому немного»;
Мы так, бывает, слишком строго
За русский судим иностранца,
Хотя и сами без конца
Готовы сглатывать слова
Подчас для едкого словца.

– А что сегодня вы ко мне
Столь экзотически: «Гамзэ»,
Мехмед-efendi, обратились?..
– Надеюсь, вы не рассердились?
Да потому так, госпожа Аннэ,
Я обратился к вам – «Гамзе»,
Что в Турции особый знак
На щечке ямочка... тут так!

«Гамзе» есть «ямочка»...
На щечке. Красавица
Гордится очень, когда природа
Навсегда ей посылает это... Да!
У нас артистка есть Гамзе.
Да и скажу я вам, вообще,
При милой ямке на щеке
Красавица всегда «Гамзе».

Сперва премного удивившись,
Потом внезапно вдруг проникшись
К нехитрому такому слову,
Анюта приняла «обнову».
Слой памяти «приподняла»,
Минутой той припомнила:
«Во всякой лавке так при мне
Шушукались: “Гамзе... Гамзе...”»

* * *

Экскурсия грядет большая!
Что экспедиция иная!
И, образуясь сам собой,
Кипит туристов шумный рой,
Волнуется... и жаждет ехать (!)
От побережья дальше в глубь
Страны... Чтобы познать
Ее былую суть:

Ее историю и быт,
И кто когда был знаменит
Во всех полуденных ее широтах
И на восточных тех ее долготах;
И где... какой... сейчас открыт (!)
Античный град, следов копыт
Изжив песчаную печать,
Чтоб вновь на свет себя явить!

В неброский малый городок
Они замыслили бросок.
(Администрация отеля!)
Чтоб люди, отойдя от хмеля,
Проветрились в провинциальной
Тиши предгорной... пасторальной,
Совсем уж прединдустриальной (!),
На взгляд, во всем патриархальной!

Там римских есть руин объекты!
Как будто времени объедки.
Они теперь уж стали редки,
Остатки той всемирной сетки,
Которой мощный славный Рим
Заботливо окутал мир... Им...
Современникам... казалось,
Что так от века повелось

И будет то для всех племен
До... истечения времен!..
Излѣтились века над миром,
История с великим Римом
Сама Историей уж стала,
Она, «старушка», доказала,
Что над Землею быстротечность
Всевластвует! Отнюдь не вечность.

«Гамзе» в поездку собралась,
Билетом в срок обзавелась,
Хотел и Боремир с ней ехать,
Пришел к ней в гости то разведать,
Скребется в двери, словно кот,
В проеме Анна восстает...
– Ты едешь римские руины
Узреть для полноты картины?

Хочу в поездке я с тобой
Соседом быть, цветочек мой!
– Цветочком может быть и кактус...

Такой возможен в жизни острый казус.
Когда бы был ты мне и дальше мужем
(О чем мы врозь, но вместе тужим),
Судьбою был бы ты мне сужен!
А как сосед ты мне не нужен.

– Но на руины посмотреть-то...
Поехать можем мы совместно?
– Ты на руину не стремись,
Руины – это наша жизнь!
...И в обозначенное время
Автобус тяжкое берем
Туристов в гору потащил,
За поворотом след простыл...

* * *

Через какой-то малый срок
Автобус въехал в городок,
Подобный ангельскому снегу,
Все источало бель и негу,
Так всем казалось и могло
(Когда с полудня солнце жгло)
Казаться при ярчайшем свете.
И быть точила камни те...

В той ежедневной толкоте,
Какая правит на планете...
Сначала всех в кафе «сгрузили»,
Турецкой снедью накормили,
И в качестве нестрашной страсти
Барханами лежали сласти,
Никто не волен был пройти
Там мимо сахарной напасти.

Толстяк в гавайской рубашонке
Своей худой жене-«девчонке»
Сказал: – Марина, ты бери
Не по одной, а сразу три!
Про очень вкусные «лукумки»,
Да, кое-кто их прятал в сумки,
Чтоб съесть впоследствии, потом,
И хлебосольный этот дом

Хорошими словами вспомнить...
А жиголо (берусь напомнить)
При статной и богатой даме

С усердием «звезды» в рекламе
Ей пел: – Анжела, в сущности
Ты ангел женской внешности!
Оставь печенье на тарелке,
Подобной будь степной газельке!

А мачо (тот, что «в фотошопе»)
Фигуристкой «мадаме в топе»
Рецензию на пирожок
Такую сладостно изрек:
– Хоть пирожок тут не российский,
Начинкою анатолийской
Меня приятно удивил!
– Мне тоже кажется, он мил, —

На то ответила «мадама»,
Она в нем «вежливого хама»
Давно отметила уж некие черты.
– Давайте... будем впредь на «ты»!
Я предложил бы вам... знакомство,
Зовут Валерой! Ваше имя, незнакомка, каково?..
Жеманство женское прижала: – Пожалуй, я сыта уж от стола! –
И, отходя, добавила, – я Алла! (и с тем из зала к выходу пошла).

Потом устроили смотрины
Для исторической руины,
И над останцами эпохи
Звучали сдержанные охи.
Лениво веял теплый ветер,
Как будто незаметный веер
Над всеми кто-то колыхал,
Порою он совсем стихал...

Тогда отчаянное солнце
Пекло их, будто кто-то в перце
Из баловства всех обвалял...
А день тем часом накалял
Каменьев древнюю громаду.
И группа, что на эспланаду
За гидом вышла, полукругом
Стояла плотно, друг за другом.

Толстяк, зовимый Анатолий,
Любитель всяческих историй,
Хотел полней про Анатолию
Услышать старую историю,
«До самых первых вех (так он изрек),
Когда здесь поселился человек»...
– Скажите, кто до Рима здесь

Нам по себе оставил весть?

Здесь государственность слыла,
Я слышал, в древности одна...
– Да... Киликия здесь была,
Обитель вольного народа,
Потом входила в царство хеттов,
Тех... доблести апологетов,
Анатолийских гегемонов,
Врагов великих фараонов.

У них вторая тут столица,
С именованьем «Тархунтасса»,
В Киликии тогда была,
Для киликийцев – кабала
Иного сильного народа;
А в ходе долгого распада
Державы вездесущих хеттов
Здесь были номы их клевретов...

Вопрос последовал как гром:
– Ну, а тархун-то тут при чем? —
Спросил «гурманный» Анатолий,
Поклонник всяких «разносолий»,
Враг всех диет и голоданий,
Сторонник преданный застолий.
– Тархун?.. Быть может...
Он весь год здесь изумительно растет... —

Продолжил речь экскурсовод,
Научно глядя на народ, —
Затем нам царь Сеннахириб
Тарсус построил. Мы могли б
В другой поездке посмотреть
На город, он и впредь
На месте будет том стоять,
Где осенила благодать

Царя Ассирии создать
Красивый город. Это стоит
Ему могло огромных денег,
И здесь моим словам залог,
Что новый город с Вавилоном
Тогда же сравнивали гордым...
Тут Вера Павловна вмешалась,
То не вопрос был, больше шалость:

– Скажите, а какие нравы
У женщин были той державы?

– У ассириек тех, madame,
И из простых, и важных дам,
Семья была на первом месте!
Народ их потому на свете
Почти уже пять тысяч лет
Живет... Продолжу я отчет

По нашей скромной Киликии,
Кто здесь до римлян жили-были.
Сюда владеть Ахемениды
Пришли, правители Персиды,
С VI это было века
До нашей эры, и килика
Простого иноземный князь
Опять учил, что значит «власть».

В IV веке Александр,
Великих армий командир,
Прибыл... До нашей эры в 333-й год
Стал править греческий народ;
В эллинистический период...
Всю власть вершил Селевка род.
Междоусобья как пошли,
Все стало, словно в Сомали,

И киликийские пираты
По миру были знамениты.
Они до Рима доходили,
Там гавань римлян захватили,
Что новый город-гегемон
Снабжала хлебом. Тут уж он
На киликийцев рассердился,
И вскоре сам к ним в дом явился.

И легионов ровный строй
Увидел киликийцев рой...
У нас здесь правил Цицерон,
Под сенью воинских знамен.
С Тарсуса сам апостол Павел!
Он память по себе оставил
В окрестностях повсюду тут,
Его как земляка здесь чтут!..

Вдруг зашумело что-то сбоку,
Как звук прибоя, словно в пику
Доселе бывшей тишине,
Шум приближался. Ближе... Ближе
Он становился громче, выше,
Подобно яростной волне!

Экскурсовод, тот понял первым
(Он из манерного стал нервным),

Что это вовсе не маневры
И опасения верны,
Что это снова столкновенья
Двух наций, волей Провиденья
Живущих в зоне поражения,
И скоро полетят камни,
Как из вулкана, из толпы.
И нужно уносить стопы!

«В автобус!!! Господа, скорее!..
Madams & gentlemen... быстрее
Отсюда нужно уезжать,
Чтобы последствий избежать!..»
Минутой раньше дама Вера,
Утративши из-за примера
Про ассириек и семьи
Приоритет и ценности

К повествованию интерес,
Иной уж начала процесс...
От группы тихо отошла
И фотоаппарат нашла
В своей объемной дамской сумке,
Мечтая об одной задумке —
Чтобы объем их показать,
На холм взобравшись, поснимать

Развалины в изометрии...
О Вере как-то все забыли
В возникшей быстро толчее,
Лишь Анечке,
Стоявшей с краю,
Самой, наверное, судьбою
Заметить было суждено,
Что с Верой все не комифо́.

Анюта бросилась к соседке
По узкой стоптанной тропинке,
Что поднималась по холму,
И тут увидела толпу,
Она огромной запятой,
Победный издавая вой,
Все увлекая за собой,
С проулка вырвалась рекой.

Через какие-то секунды

Всю площадь запрудили курды,
Что с турками опять погром
Затеяли взаимный. В том
Давно не стало новизны —
Две нации одной страны
Не могут для себя найти
Маршрута мирного пути.

Так в мановенье ока толпы
От Ани с Верой, словно волны,
Отрезали собой автобус.
И встал решительно вопрос:
«Спасаться как?..
Раз этак, так!..»
До Веры Анна добежала
И за собою повлекла.

На верх спасительный холма
Добрались быстро, та вершина
Весьма пологою была,
Она их и оберегла,
Враз от погромщиков закрыла,
Обзор собою заняла.
И кабы им по два крыла,
Иной развязка бы была...

Как будто горная лавина,
Ревела там, внизу, гурьба,
Она хватала и ловила
Тех, что кидала ей судьба.
И турки в сей раз отступали,
Тогда как курды занимали
Собой все новые кварталы,
Круша турецкие тылы.

Соседки бросились бежать,
«Бабуля» стала отставать...
С обратной стороны холм круче
И каменистей как-то, в куче
Камней изрядно острых, был.
Меж тем надсадный гомон плыл
Над бывшим ангельским приютом,
Вмиг распрощавшимся с уютом.

Толпа погромщиков ревела!
Она пожрать еще хотела
Каких-нибудь «вечерних жертв»,
И мир внизу холма был мертв,
Война там праздновала тризну!..

И турок молодой отчизну
Жалел, открыв в тот миг окно
Автомобиля своего.

Автомобиль стоял на трассе,
Так получилось, что на счастье
Беглянкам нашим, что с холма
Сбежать изволили едва...
Да!.. Это вам не те «Е-2»,
С каких идут на «Е-4». Да,
Партии в реальном мире...
Не те что в шахматной игре.

И если вам в людской борьбе
(Как захотелось вдруг судьбе)
Стать «посчастливилось» вмиг пешкой,
Тогда уже вертитесь кошкой,
Чтоб это поле пересечь,
Где правит бал слепая сечь,
Элементарно уцелеть,
Чтоб просто новый день узреть...

Водитель машет им: «В машину!»,
Не обращая на махину,
Что в городке разбушевдалась
Внимания. Он, в общем, малость...
Большую дамам подарил —
Всего лишь дверцу отворил!..
Они туда влетели обе!
Не оставаться ж на дороге!

На газ нажал водитель исто,
Деревья замелькали быстро,
Такой надежный (!) шум мотора
Сменил тревожный гвалт разора...
«Чок тешекюр»⁴, – сказала Аня,
Она на мягкости сиденья,
За крепостью машинной жести,
При скорости почти «под двести»,

Себя почувствовала лучше
И к Вере обратилась тише,
Чем ей слышалось самой:
– Нам, Вера Павловна, с тобой,
Похоже, крупно повезло,
Ты видела, какое зло
В одну минуту началось!..

⁴ Большое спасибо (тур.).

Как будто все там взорвалось!

– Да, повезло, что нас везут,
Наверно, правильный маршрут.
Навроде движемся мы к морю,
К Мерсину вроде, я смотрю...
И человек, как вижу, этот
Не троглодит и не бандит,
Спокойно за рулем сидит,
Авось дорогой не проглотит!..

– Позвольте вам себя представить, —
Водитель, можете представить,
На русском обратился к ним,
Нежданным спутницам своим, —
Назар Енвер,
Турецкий инженер.
Я здесь случайно проезжал...
Нечаянно вас увидел.

Возникла пауза на время...
Все, как бы силы экономя
Или обдумывая что,
Смотрели, в общем-то, на то,
Что проносилось за окном,
Желая, чтоб... за набегającym бугром
Очередным... раскинулась ширь моря.
Вдруг Вера (инженеру вроде веря)

Представила обоих их,
Беглянок спасшихся двоих:
– Я Вера Павловна,
Она по-вашему звучит “Апá”,
По-нашему зовется Анной...
Мы здесь – как будто пред саванной!
Я как-то в Африке была...
– Такие, Вера, тут дела,

То, что сегодня наблюдали,
Другая сторона медали
Спокойной жизни здесь у нас.
Случается, неровен час,
Идут дружина на дружину,
Община давит на общину,
Соседа жгет его ж сосед,
Творят друг другу столько бед!..

Ведь в государстве нашем светском,
Почти что в обществе советском,

Что строил старый Ататюрк,
Мешались все: и курд, и тюрк.
Сейчас у курдов возрождение,
Вовзят оно как наводнение,
И как-то этим полстраны
Размыто без большой войны...

И все надолго замолчали,
Назар, возможно, от печали,
А женщины устали так
За этот день, что просто мрак!
Уж затемно они к отелю
Подъехали, подобен селю
Был их сегодня трудный день,
В грядущее он кинул тень

Какую-то почти незримо,
Зигзаг возник чуть ощутимо,
Какой-то новый поворот...
Остановились у ворот.
Назар помог обоим выйти,
Захлопнул дверцу взмахом кисти
И на предложенные лиры⁵
Взглянул... с толикою сатиры.

«Вез до отеля и бесплатно...
Простое это джентльменство?..
Или понравилась она?» —
«Апá» была удивлена,
Слегка... заинтригована.
Разгадка тут была им подана:
– Вы позвоните мне, Гамзе,
Если окажитесь в беде.

«Видать, понравилась...»
Зарделась...
Она бы, если б не загар
И не ночных небес шатер,
Что пал уже на землю тенью...
Так, повинуюсь Провиденью,
Петляет наша с вами жизнь,
Меняя шаг, галоп и рысь...

«Опять... опять она... Гамзе!
В чужой неведомой стране
Стоит на каменной земле,
Вопросы комкая в себе...»

⁵ Лира – турецкая денежная единица.

– Возможно, позвоню, Назар...
И, слово обративши в жар,
Таинственный накинута покров...
Ты, грешный мир, не рушишься от слов.

* * *

И пил коктейли Боремир,
Глядя на этот бранный мир!..
Коктейлю... уступал коктейль...
Возможность заходить на цель,
Чтоб как-то «погасить пожар»
И из груди горячей пар
Стравить, дабы избежать взрыва
В душе смятенной Боремира.

– ...А вот вам фирменный коктейль
С названием «Метрдотель»,
Тут лайма сок и водки – воля!
Такая наша бабья доля:
Коктейли мачо подавать
И легкомысленно давать
Им шанс за нами приударить,
И шарм заметить свой заставить!.. —

Сюзанна, дева с Украины
(Один нам черт, мы все едины...),
Коктейли в баре подавала
И ненароком увидала
И оценила Боремира,
Как сброшенного вниз кумира,
Какого можно и поднять,
И с ним «неслабо зажигать».

– Сок тут цикуты и анчара
И участь цыгана Зобара,
Когда за Радугу он стяжал
Всепроникающий кинжал!
Здесь яд кураре на рапире,
Данайцев ложный знак о мире...
Какой, к чертям, «Метрдотель»!
Когда в душе молчит свирель,

Какой, к свиньям, «Метрдотель»,
Когда в башке строчит турель
И точно бьет на поражение!..
На кой... мне это унижение?!

Она поехала одна!
Меня в поездку не взяла... —
Сим расточался Боремир,
В своей душе утратив мир.

— А что такое есть «турель»?.. —
Она, бармен-метрдотель,
За слово это зацепилась,
Сюзанна даже оживилась,
Услышав «смачное» словцо,
Чрез стойку глядячи в лицо
VIP-посетителю такому,
В глазах нарисовав истому.

— Да... это — башенка такая,
Какая воздух рассекая,
«Свинцовый град», по сторонам
Вращаясь, сыплет по врагам.
Там пулемет стоит иль пушка...
Еще какая-нибудь «хлопушка»... —
Так объяснял ей прихмелевший Боремир,
Пригнувшись стоя (к стойке!), как сатир.

— Вы сразу видно, что военный,
И даже не обыкновенный,
По всем повадкам видно, сэр,
Что вы, наверно, офицер!..
— Я здесь на отдыхе, Сюзанна,
И мне «небоевая рана»
Была у вас нанесена,
И имя раны той — «Αρά».

— Вы, Боремир, не огорчайтесь
И сердцем не ожесточайтесь,
Любая девушка за вас
Пойдет, когда придет тот час!
— Любая девушка пойдет,
Когда тот самый час пробьет?..
Иль девушка пойдет «за нас»
Без промедлений, в тот же час?..

Я чё-то сёдня пьян, Сюзанна,
И для любовного романа,
После торпедного тарана
Моих иллюзий каравана,
Предрасположен вряд ли я.
Коктейль безвреден для меня!
Но яд истории любовной
Убил во мне порыв альковный...

– Сменяюсь скоро, будет роздых,
Могу вас проводить на воздух,
Не все же в баре вам сидеть!
На звезды можно поглядеть...
Сегодня полная луна,
Она, как вы и я, одна! —
Сюзанна, видно, шла ва-банк,
С упорством действуя, как танк.

В ту ночь на небе звезд громада
Сияла, словно бы армада
Непобедимых кораблей,
Как будто те со всех морей
Идут с зажженными огнями
И паруса над небесами
Раскрыли... Будто свыше дан
Небесный Тихий океан...

Так то казалось Боремиру...
Так представлялось его взору...
Звезда сливалась со звездой
И расплывалась полосой,
Крутились солнца круговертью,
Мешались звезды с темной нетью,
Весь колоссальный Млечный Путь
Давил и не давал вздохнуть...

Сюзанна, Боремир усталый
Пришли на полуостров малый,
Что в форме Крыма был насыпан
У пляжа, галькой укреплен,
И там же летний был трактир
(Что заметил Боремир)...
Они прошли на самый берег —
Альков расхожий нежных нег.

– Сюзанна! —
Рек Боремир, — тут вот «Гавана»,
Я ненароком ром из бара захватил!
Тогда уже я деньги бару заплатил,
Когда вы скоро шли переодеться.
Сюзанна отпила — согреться...
И на искусственном мыске
Они сидели на песке...

* * *

Вставало солнышко над миром,
Дыша морским насыщенным зефиром,
Весьма отчаянные люди
(Таких – хоть ночью разбуди!),
Что лишний час не спят в кровати,
Чтоб ранний вкус воздушной сути
Приять, пока она еще свежа,
Тянулись на просторы пляжа...

И кучковались в пересуде,
Как осы на фруктовом блюде,
Вчерашний разобрать кульбит...
– Автобус был чуть не отбит! —
Сказал Зиновьевич, профессор,
Перекрывая птичий ор
(Над морем чайки раскричались)...
Другие люди подключались,

Вплетаясь в общий разговор...
Ногою отгребая сор,
Лет эдак неопределенных
Мужчина среди прочих оных,
Его все звали: Эд иль Эдик, иль величали Эдуардом
(Он был самопровозглашенным бардом),
Изрек: – Возможно продвиженье
Погромщиков на побережье...

Как белых армию в Крыму
Нас тут застанут!.. Не пойму,
Куда правительство здесь смотрит?..
Оно что, просто деньги тратит?..
И в тон ему главврач Петрович
(Он был с Сибири и томич)
Пропел, открыв пошире рот:
– Чтобы с боя взять Приморье – Белой армии оплот!

А беларус Ян Адамович
Тянул с достоинством, как шляхтич:
– Какой-то вижу я здесь тренд:
Мы все трендим про сей «weekend»,
На данный (острый всем) момент
Неясен этот инцидент!..
Еще они пообсуждали,
Что там «двух женщин потеряли»...

И в это время по «приморью»,
Не по долине, не по взгорью,
А по «рассветному песку»,
Развевявши в песок тоску,
Брела Сюзанна с Боремиром,
Вновь обретенным кавалером.
Шли... сонно глядя на народ,
Что здесь устроил «хоровод».

* * *

В обед бассейн – место встречи,
Там променад, коктейль и речи,
И натуральный лимонад,
И многоструйный водопад
Искусственный для красоты,
И шепот чувственный до немоты...
Резвятся дети с малой горки,
А «staff» услужливы и зорки.

Турчанка старая печет навроде
Что-то чебуреков при входе,
Может быть для колорита,
И печь ее с утра прогрета,
Бери, вкуси да отходи
Куда-нибудь... ради
Коктейля или вновь еды.
Или прохладный плеск воды

Решешь ты выбрать между делом,
Точнее: ты (душой и телом) —
Между упорным отдыхом.
Чего не позволяет старый добрый дом (!)
Твой собственный... Найдут почти всегда
В своем дому тебя дела!
Дом просто состоит из дел —
Он смотрит... чтоб ты не сидел!..

Читатель, кстати, я на «ты»
Уж перешел для простоты,
Ведь вместе мы давно следим
За разворотом постепенным
Отдохновенной этой саги,
Прошли через ее «пороги»...
Прошу покорно, разреши ты
Мне впредь с тобою быть на «ты»!

К бассейну с Верой вышла Анна,
В надежде на спокойный день она,
Решивши отоспаться после вчерашних...
Приключений, решила новых
Развлечений уже сегодня не искать,
А, сильно придавив кровать,
Полдня в тиши позоревать
И выйти свеженькой, на ять!

С подхода сразу прыгнула она
В тугую плоть воды бассейна,
Прохлада охватила тело.
Анюта выплыла умело,
Пловцом она была хорошим
По городским по меркам нашим
(Проплыть бассейн туда-сюда
Ей не составило труда)!

Проголодалась. Предпочла
Еде накрытого стола
Челнок печеный чебурека.
Она пошла туда, где печка
И где турчанка под обед,
Как колдовством из древних вед,
Варганила простую пищу,
Свою найдя на свете нишу.

Взяв в руку этот пирожок
И отхватив его носок,
Анюта ощутила жар,
А после – вкус; и пряный пар
Шел из печеного нутра...
Крупинки не схватив с утра,
Как пищу ангелов, она
Сей чебурек восприняла.

Тут Инга Титовна пред ней
Возникла в радуге ногтей,
Волос, серег, колец и бус
(Неброско на курортный вкус).
– Ты, Анна, кажется, вчера
В поездку ездила с утра...
В какой-то древний городок?
Тяжелый выдался денек?

Мне вечером, вообще, здесь рассказали,
Что там вас с Верой даже потеряли.
– Да, Инга Титовна, беда,
Она ведь рядышком всегда.

Не ищешь ты ее, где тьма,
Она найдет тебя сама...
Не среди тьмы, средь бела света!
Как в вихре света заявляется комета.

Все хорошо, что обошлось,
Что обошло и отцепилось,
Что ненароком не случилось
И то, что мимо пронеслось...
Пойду-ка я пройдуся на пляж,
Безвреден тут дневной пассаж
В отличие от поездок дальних
И ситуаций там случайных...

Походкой легкою спортивной
По территории картинной
Вниз к морю Анна держит путь,
Ей захотелось отдохнуть
На пляже, просто полежать
На южном берегу, поплавать...
Ведь это, право, очень даже... жаль —
Такие упускать деньки, в такую ехав даль.

На самом крае Ойкумены,
Раскинув телеса и члены,
Лежало общество людей,
Подобно лежищу зверей
Морских. Все мирно загорали,
А загорая, принимали
И D, бесплатный витамин,
И коже темный меланин,

Так возлежав, приобретали,
Пигмент, что предки нам достали
В той эволюционной дали,
Когда ходить без шерсти стали...
Над пляжем зонтики и пальмы,
Как акварель в окружи рамы
Из сини моря и небес,
И солнечных лучей завес,

С той стороны, где солнца око
Над миром стало одиноко
В полденный летний южный час
Во весь свой плазменный анфас.
Песок был золот, камень бел,
В десятки шумных децибел
Плескалась музыка волною,
Трафя курортному настрою.

Расположиться ближе Анне
К морской волне,
Чем к музыкальной,
Пришла удачейшая мысль... Вой,
Визги, что неслись гурьбой
От дискотеки здесь недалейней,
Способны были, может быть,
В ушах оскомину набить...

К ней присоединилась Алла,
Ей эта дама рассказала...
(Та Алла, что с дородством вкупе
С весомым бюстом, вечно в топе),
Она ей обсказала кратко,
Как вышло все весьма прегадко,
Когда их «проморгали» с Верой,
Когда вокруг плескалась серой

В разбойном топоте толпа,
В своей убойности слепа;
Как враз улыбочивый водитель
Стал сер, как пылеуловитель,
И, будто бы в гашетку, в газ
Упер каблук без слов, на раз!
И как, задержавшись, автобус
Пошел из «пекла» на откос

Шоссе, чтоб дать оттуда ходу,
Не давши буйному народу
Свои полировать бока
Веселым звоном молотка
Под треск оконного стекла...
Толпа автобус обтекла
И где-то за кормой осталась,
Но Анны в нем не оказалось!

— Да, Алла, мы бежали «в горы», —
Сказала Анна, с той поры...
Решив случившееся с ними
Передавать уже другими (!)
Словами, как-то без трагизма,
С приличной долей оптимизма... —
Мы с Верой, как две легких лани,
Покинули то поле брани...

Или, скорей сказать, охоты!
Не ощущая в том работы,
На верх соседнего холма

Взбежали так, что кутерьма,
Что под холмом кружилась адом,
Нас не заметила... лихим парадом
Каким-то, гибельным, пройдя...
Внизу. И мы, не погода

Ни полминуты (для дыханья),
Покрыли дальше расстоянья:
С вершины – прямо на шоссе.
На наше счастье, фишки все
В тот день удачно, Алл, упали,
Мы на дороге увидали
Автомобиль, и джентльмен
Довез в отель нас без измен

И всевозможных злоключений...
На поиск «новых приключений».
– Ты, Ань, отчаянная дама,
Куда-то кинулась, одна,
За Верою на верх холма...
Прям как в романе от Дюма!..
Вам повезло, что этот турок
Вас укатил от этих урок...

Решили искупаться девы
И, заколов две пышных гривы,
Ступили в море Средиземья,
Чтобы шальное солнце темя
Не напекло, чтоб смыть с плечей
Жар мириад его лучей,
Что сонмом мизерных печей
Пекут аж до завес ночей.

* * *

А вечером был пышный ужин,
Какой (как ужин) был натужен,
И так тут целый день... все ели,
Так как у каждой ниши, «щели»
Стояло что-нибудь покушать,
Перекусить иль предложить
Бокальчик малый осушить,
Чтобы «до ужина дожить».

Столы пред зданием отеля
Стояли группами, деля
Пространство круглого двора

На смысловые сектора:
Тут были небольшие сцены
(На них стояли микрофоны),
И были некие здесь стены
Буквально из живых растений. Слоны

Пестрели, из цветов сплетенные
Весьма хитро. Укрытые
Лампадки в них
Мерцали, оживляя их.
На сценах ящики стояли,
Расцветкой броскою блистали
И всеми блесками играли.
Факиров действо ожидали.

Пространство занял карвинг модный
Фруктово-овощной (природный).
И будто не совсем продукты —
На блюдах овощи и фрукты,
Искусством карвинга превращены
В какие-то садов Едемских сны!
В раю Едема пышном и земном
Адам мог удивлять таким столом.

«Цветы» из разных экзотических плодов;
Затейно манго, персиком украшен пряный плов;
«Карета»-тыква; а из плоти дыни и папай
(Достался скульпторам обильный урожай)
Изваяны кубические темы;
Из виноградов громоздятся «пальмы» (!)
На грудях апельсинного «песка»;
Из спаржи «кобра» сжалась для броска...

Был даже в виде крокодила,
А рядом в виде армадилла
Нарезан как-то ананас
(Похожи были в профиль и анфас).
Казалось, вызов и вендетта —
В лучах искрящегося света
Мирок сей обступившей плотно тьме
Весь этот натюрморт-3D при кутерьме.

Так люди изгалялись с пищей,
Какой здесь было всякой сущей
Премного... Хлеб «нам днесь» насущный
И благоданный в год сей «тучный»
Никто тут свято не берег...
Его здесь было «море»!.. «Берег»
Не виден был трапéзе той!

С всепоглощающей едой...

И каждый зрел и пробовал здесь что-то,
Отхватывал кусочком от чего-то:
Плодов земли и творчества,
Художников искусства,
Имеющих природы натуральный вкус.
И плод, что зрел, людей вводил в искус
Не просто поглощать его, а насладиться
Твореньем авторским... и не усовеститься.

На сцену вышли танцовщицы,
Точней, вспорхнули. Все вещицы
На них одетые, скорей,
Ответом были для детей
На любопытные вопросы
(Прочь, «любопытные носы»!),
Чем, в общем, женщина гордиться...
У каждой девы поясница

Узором чертана была...
Узоры или письма?..
Да, кто их, в общем, разберет!
И так любой без букв поймет,
И без разбора мелких черт,
«Начертано» – от слова «чёрт».
Плескались девы в танце вольном
В пиру том зрелищно-застольном.

Восточных танцев развлечение:
Монист бренчащих завлечение!..
Тел юных гибких «расточенье»!
А смуглых лиц средоточенье
Воображенье заняло.
Натура... тайное лекало
Взяв, их как будто начертала,
На света край из тьмы и тени в миг воплощенья извлекла.

Затем на сцене, что напротив,
Возник факир, свой плащ отбросив,
И тайных дел своих теченье
Почал, сказав велереченье
На... тарабарском языке...
Взмахнувши палочкой в руке,
Продемонстрировав пустое
Нутро у ящика, такое

Он через миг оттуда взял,
Что весь бомонд аж просиял!..

То кубок был огнями полный,
Там пламень бился дикий, буйный,
Спиралью, золотой змеей,
Язык крутился огневой,
И ярким голубым фантомом
Струился огнепад фонтаном...

Сказала Вера Анне в ухо:
«А в кубке у него не сухо,
Там пламенное есть вино,
Оно для избранных дано,
Кого здесь маги изберут.
Я знаю, я бывала тут».
И захихикала старуха,
И «отлетела» тише пуха.

Факир в Гамзе упрямый взор,
Окинув публику, упер.
Огни исчезли в чудном кубке
Утихла музыка в мирке,
Ночною тьмою уплотненным,
Согретом светом преломленным.
И руку с кубком маг к Гамзе
Простер с вином огня на дне.

«Прими!» – ей молвил чародей.
Толпа завторила: «Отпей!...».
Его немного, будто в стопке.
Не размышляя о поступке...
Вперед продвинулась она,
Сосуд сей в руки приняла,
Под крики шумного стола
Вино из кубка отпила.

Заплодировали толпы,
Когда на дне той странной «колбы»
Ни капли жидкости рубинной
Уж не осталось ни единой.
Пришедшая с бокалом Вера,
Наверно, тоже для примера,
Сказала так, что вроде бы
Есть то вино «вино судьбы».

Тут всплески огненного шоу
Под крики справа: «Go!.. Гоу!...»
Страхнули чародейства сон,
Все понеслись со всех сторон
Смотреть, как дивные дивчины,
Раскрашенные как павлины

Кружками разноцветных «глаз»,
Собрали в чаши «слезы гроз».

То были, может быть, езидки,
Их крыли краткие накидки
С изображением того,
Езиды (сотни лет) кого
Зовут в своей среде Малак Тавусом,
На пантеон поставивши «своим Иисусом»,
Кто Господом лишен был рая
Из-за старинного нерайского раздрая...

Крутили быстро девы огнешары,
По двое связанные в пламенные пары,
Одна вращала обоюдоострое копье,
На кончиках которого горело огнивьё...
Взметались бешено их волосы хвостами.
Казалось, девы вокруг огней вращались сами...
На всем том фоне темное полуночное небо
Не космосом, а хаосом казалось и лимбо.

Объявлен выход танцевальный
Был аниматором финальный.
За контур рампового света,
На центр этого «вертепа»,
Все ожидали, выйдет кто-то,
Чтобы сегодняшнее лóтто
Сюрпризов явно завершить,
Событья дня остановить...

И среди пестрой тьмы иллюзий
Возникли Боремир и Сюзи,
Она была почти раздета, а он чрезмерно был одет:
В рубашку, брюки и жакет.
Тогда как прочие мужчины,
Забыв про ранги и чины,
В футболки, майки, бриджи, джинсы
Тут были все обличены.

И под чарующее танго
Здесь русский с украинкой парно
«Вбесь» танцевали под луной,
Вдвоем под полной и одной.
Они слились в порывах вихря,
Они сошлись... не втихая,
Под тенью ночи танец «жаря»,
Языком тела говоря...

...В тот год Москва курилась дымом,

Когда они единым домом
Решили жить, Борис и Анна,
Десятый то был, дымный, год. И пелена
Над старым градом
Висела сероватым адом
Над площадями, улицами, МКАДом,
Все заполняя липким смрадом.

А Анна в платье подвенечном
Тонула в дивном вальсе вечном,
И *он* в туманной тесноте,
Забыв о вечной пустоте,
С ней растворялся вместе в танце,
Мечтая о счастливом шансе
Прожить одну жизнь на двоих
В делах и радостях своих...

Теперь кружился он с другою,
Телесно близкой и чужою,
Среди полуночного пира,
Среди теней ночного мира
(Скорее, правда б, солнце встало!)...
Гаргулий, гарпий не хватало
Тут только, чтоб среда здесь стала
(И сам пейзаж) как «после бала».

* * *

Наутро позже был рассвет
Для тех, что сумеречный свет
Вчера до ночи провожали...
Те поутру не рано встали.
И среди них был Боремир...
Уж тьмы полночной кашемир
Откинул новый день давно,
Войдя хозяином в окно!

«На море!.. пляж!» – вызывают стены,
Приветом солнечной арены
(Какой является весь свет)
Согретые, впитав пролитый свет,
Все в пятнах «солнечных зайчат»,
Они неслышимо кричат:
«Вставай для дел молодого дня (!),
Снов сонмы денно не храня...»

И через кратких полчаса,

Когда приятная роса
Еще, наполнив волоса,
Их охлаждает после душа,
Полуночный герой стрелой,
Довольный, в общем-то, собой,
Влетает на просторы пляжа
И видит, там уж, густо лежа,

Вчерашней публики набор
Раскинулся, как пестрый табор.
В очках все, словно на подбор,
И кажется ему, укор
Сокрыт под темными очками
И что *они* как будто Ани
Заняли сторону... Носами
Все вертят в сторону его... они

Как будто от него сейчас (вне всяческих сомнений!)
Все ждут каких-то пояснений...
«Да, к черту вон! – подумал он, —
Ощерились со всех сторон!
Пойду-ка, лучше, к бару я,
Там потеряете меня...»
И по прибойной полосе
Пошел к трактиру на косе...

Пока по кромке Боремир
Воды и суши в суши-бар
Тихонько движется, гонимый
Соленым ветром и палимый
Светилом ветреного юга,
Его «предбывшая супруга»,
Зовимая как прежде, Анной,
Изрядно насладившись ванной,

Во дворик снизойдя отеля,
Там, где аллеей тополя,
Прогуливалась. «Ля-ля-ля» (непринужденно говоря)
Плескалось в телефонной трубке... Зря
Время не теряли две подруги...
На том конце «натопанной дороги»
(Которую проходит шустрый квант,
Чтоб адресата мог услышать адресант)

«Трубу» в руке, оставивши, держала
На громкой связи Анина подруга Гала.
Она ввзят была веселой украинкой,
В брюнетку перекрашенной блондинкой.
И, наряду с Евгенией и Викой,

Подружек-украинок Анны «ряд и строй»,
Пожалуй, завершала те собой.
Размерено плескался слов прибой:

– Я, Ань, со Славиком, наверно, развожуся,
Иначе с ним я вовсе изведуся...
С него мои слова, что та вода с гуся,
Я даже что-то пополнила, Аня, вся...
– Ты знаешь, наши отношения с Боремиром
Совсем не выглядят дуэтом или хором,
Я, Галя, на границе двух миров:
«Безмужества» и «брачных сладостных оков»...

А относительно «живого веса»
Скажу тебе без политеса,
Когда полнеешь, только овощи и фрукты
Имеешь право признавать ты за продукты,
Все остальное для тебя уже «протухты»,
Котлеты, колбаса, конфеты, торты...
Ну... то есть натурально в ряд —
Белково-углеводный яд!

– Скажи, а прочь... Москвы проблемы, кроме Бори?..
Блин, я оговорила, Аня... Сорри!
– Отбросила все, словно фриц под Сталинградом,
Теперь шагаю налегке, «парадом»,
Купаюсь в море, свежестью дышу,
Стишат здесь новых, правда, не пишу...
Быть может, что не то тут настроенье?
Хотя здесь каждый день как сновиденье.

– У нас, поверь мне, тоже жарко!
Тепло, а временами парко.
И вечерами многие гуляют в парках,
Все парки в разодетых парах...
Скорей на всех парáх
(Да побери работу летом прах!)
Иль в вечер пятницы, или в субботние деньки
Все тут мечтают укатить на шашлыки!

– Галина, извини, должна идти к обеду.
Да, я уже ведь скоро и приеду...
Пока! Пока!.. До скорого свиданья!
«Случайно, но она навеяла переживанья:
„Все парки в разодетых парах...“ —
И вновь каких-то мыслей ворох старых...
Без всякого покоя... так до упокоя...
А все-т'ки это ж — “Галотерапия”!..»

Коль телефон уже в руке,
То он, как кольт, на спусковом крючке
Которого танцует палец.
И хочется подобный странный танец
К логическому повести концу,
И снова этот «телепорт» нести к виску,
Набрав десяток крючковых цифр,
Как некий тайный непонятный шифр...

Гудок потек каким-то переливчатым набатом...
В антенне телефона каждый божий атом,
Отдав теченью тока быстрый электрон,
Включился в этот музыкальный перезвон...
Назару, инженеру, Анна позвонила почему-то...
Быть может, просто в этот день иль в это утро
Все как-то так, сиюминутно,
Вокруг него вдруг закрутилось смутно.

– Алло, алло... скажите, я звоню Назару?
Назар-ефенди?.. Добрый день!.. Вы пару
Дней тому назад нас увозили на машине
После злосчастной той экскурсии... к руине...
Я Анна, вы меня Гамзе тогда еще назвали,
Спасибо вам за помощь!.. Помогли...
– В порядке все у вас, Гамзе?.. Внезапно как-то замолчали!
– В порядке... Но, мне кажется, в печали...

– Давайте как-нибудь разведем грусть,
С отелем рядом дискотека есть.
Сегодня я заканчиваю в семь
Работать... И могу прийти за вами в восемь.
Там, кстати, будет много ваших, из отеля...
Согласны вы пойти на танцы, Аня?
– Я думаю, что можно и пойти...
– Тогда, до встречи!.. – Чао... до восьми!

И в то же время Боремир
Подходит к бару «Mon Plesire»
(И пьянству бой! и... вечный бой!). Приятному такому бару!
Где явно слышно пенье под гитару.
Тому, что среди «Крыма» угнездился
Искусственного, ушло притулился

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.